

«ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОПУЛИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА
НА РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

Леонид МЛЕЧИН

Широкое распространение по всему европейскому континенту ультраправых настроений, точнее пугающее количество людей, готовых голосовать за эти идеи, - новая угроза, с которой непонятно как справляться. Как и с терроризмом, который обрушился на наш мир. И на самом деле это объединяющая нас повестка. Но политические истеблишменты — российский и европейский, - не сознавая этой угрозы, разъединяются, рассматривая происходящее в старой системе координат.

Истеблишмент возвращает нас к привычным правилам холодной войны. Воспроизводит прежнюю расстановку сил. Иначе говоря, происходящее неадекватно оценивается обеими сторонами.

В современной России, с одной стороны, популярна тема долгожданного «заката Европы». Реакция злорадная: "Чего стоит ваша Европа, если ее так легко развалить!". С другой стороны, приветствуется появление «здоровых» сил - консервативно-националистических, праворадикальных.

Тут есть прагматическая цель.

Ответить на критику европейцев относительно нарушения прав человека в России: посмотрите, что у вас самих творится. Вы — просто лицемеры, использующие двойные стандарты. Брюссельские бюрократы и европейские правительства не в состоянии завоевать доверие своих народов. В отличие от России.

Пессимизм европейцев, разочарование в действующих партиях и институтах — у нас рождает гордость за могущество собственной страны. Европа в упадке. «Смотрите, как у них там плохо! То ли дело у нас!»

Выход Великобритании из Европейского Союза, избрание Виктора Орбана в Венгрии, большое число поклонников Национального фронта и Мари Ле Пен во Франции словно показывают: «рушится» та Европа, которую у нас считают антироссийской; и «утверждается» та, с которой у нас ощущают солидарность.

Впрочем, нравятся не все европейские правые. Скажем, для нынешнего польского режима, популистского и националистического, неприятие России сильнее нелюбви к Европейскому Союзу. Или одинаково сильны.

Можно сказать, Россия отторгает существующую Европу и конструирует другую, альтернативную, Европу: такую, которую хотелось бы видеть.

Что разрушило отношения России и Запада?

События на Украине.

Поскольку я живу прошлым, то нахожу исторические параллели.

Почему в середине XIX века в России возник новый консерватизм, имевший националистические черты? Это результат польского восстания, которое «задело русское национальное чувство, поскольку было истолковано как европейская атака на Россию. Что в огромной степени способствовало появлению крайнего национализма».

И происходящее на Украине тоже задело русское национальное чувство. И тоже было воспринято как предательство (всего: общей истории, общей победы в Великой войне, общих дел и проблем) и способствовало оформлению в России национализма, построенного на антизападничестве. Уязвленная национальная гордость и то, что было воспринято как западная (американо-европейская) угроза, перечеркнули прежние догмы советского человека, который считал себя убежденным интернационалистом.

Антизападнические настроения к концу 2015 года побили все рекорды: около 80 процентов отрицательно относятся к США, видя в них угрозу, и около 70 процентов – к Европейскому Союзу.

Но помимо практических целей есть и ощущение духовного родства.

Идея возрождения «традиционной» Европы, консервативной, Европы национальных государств – симпатична тем, кто оседлал фразеологию «традиционных ценностей». И нас есть те, кто искренне симпатизирует популистским, националистическим, праворадикальным движениям. Радикалы мыслят одинаково.

После Второй мировой войны мир поклялся: никогда больше!

Клятва нарушена. Антифашистская прививка перестала действовать. Нет иммунитета от нацистских идей. Никогда еще национализм не был таким сильным и никогда еще не пользовался столь широкой, страстной и сознательной поддержкой как народных масс, так и интеллигенции.

Примерно полвека после 1945 года национальный-социализм, движение ультраправых находилось в тени. Убежище откровенно презираемых маргиналов. На политических горизонтах Европы редко можно было встретить одинокую правоконсервативную душу. Неонацистами просто брезговали.

Два десятилетия назад началось возрождение неонацизма в виде скинхедов. И эти идеи стремительно распространяются. Растущая популярность ультраправых заставляет и политиков других направлений сдвигаться в этом направлении. Меняется уже в целом политический пейзаж. Это движение вправо меняет духовный климат. Звучат откровенно фашистские лозунги, еще недавно немыслимые на европейском пространстве. Расцветает национализм «крови и почвы». Политики вслух говорят: «Чужие дети не сохранят нашу цивилизацию».

Новая правая - так условно можно назвать политическое течение, которое на словах отвергает методы фашистов, но разделяет многие их идеи. Новая правая, образованная и циничная, обещает избавить европейцев от пугающей их волны иммигрантов, носителей чуждой культуры, религии, традиций.

Французский Национальный фронт прежде вызывал презрение и насмешки. Партия растерянных и озлобленных. Теперь Национальный фронт стучится в каждую голову. За Национальный фронт голосуют люди, которые прежде постеснялись бы это делать.

Создатель Национального фронта Жан-Мари Ле Пен сказал, что нацистские газовые камеры - "всего лишь эпизод в истории второй мировой". Заявил, что разница между расами очевидна: есть высшие и низшие цивилизации. Помню: тогдашний премьер-министр Ален Жюппе, обычно крайне хладнокровный, назвал Ле Пена "расистом".

Марин Ле Пен выставила папу из партии, чтобы избавиться хотя бы от части неприятностей. Взяла заместителем человека, который не скрывает своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Но в ее партии мода на бритые затылки и нацистские татуировки... Французы голосуют за Национальный фронт, даже понимая, что он не победит. Другие партии, видя популярность этих лозунгов, перенимают их. Голосование за Национальный фронт в любом случае меняет политическую ситуацию в стране. Советник Мари Ле Пен радостно заявил: «Их мир рушится. Наш создается».

Меня не удивляет дикий всплеск антисемитизма и ксенофобии в стране, где, похоже, не осознали преступность сотрудничества с нацистами в годы войны. Когда-то Шарль де Голль спас самосознание Франции, создав миф об общенациональном Сопротивлении немецкой оккупации. На самом деле в Сопротивление ушли немногие, зато очень многие охотно и с удовольствием помогали оккупантам. В том числе один будущий президент страны, я имею в виду Франсуа Миттерана.

Неонацизм становится на нашем континенте политической реальностью. В Словакии ультраправые приходят к власти в регионах и завоевывают места в парламенте.

В Литве только что разместился батальон бундесвера. Как я понимаю, немецкие солдаты приятно поразились тому, как тепло их встречают. А журналисты еще больше поразились тому, что в Литве с симпатией вспоминают немецкую оккупацию. Там существует альтернативная реальность, в которой нацисты — неплохие в сущности ребята. Они же евреев убивали, а не литовцев....

Что у нас дома?

В 1982 году сотрудники Ярославского областного управления госбезопасности обнаружили в городе Рыбинске молодых фашистов - Рыбинскую организацию национал-социалистов. Цитирую ярославских чекистов: «Молодежная профашистская группа – около двадцати человек - находилась в стадии формирования, но увлечение фашистскими идеями, пусть даже в примитивном виде, становилось массовым».

В том же 1982 году в составе пятого управления КГБ СССР образовали тринадцатый отдел - заниматься неформальными молодежными движениями и отечественными фашистами.

Появление фашистов в стране, которая в Великую Отечественную разгромила гитлеровскую Германию, казалось невыносимым. Слепое подражание гитлеровцам - использование свастики, крики "Хайль Гитлер!" - было маргинальным. Зато распространение нацистских идей приняло масштабный характер. Люди, которые придерживались таких взглядов, поначалу с возмущением отвергали любое сравнение с германским национальным социализмом. Позже они почувствовали себя увереннее и стали говорить, что Гитлер делал кое-что разумное для своего народа, например, строил хорошие дороги и уничтожал евреев.

Как ни странно это прозвучит, но в нашем обществе не было реальной антифашистской пропаганды. Фашист в массовом сознании – это солдат вермахта с закатанными рукавами и «шмайсером» в руках. Воспитывать иммунитет против идеологических составляющих фашизма в советском обществе не представлялось возможным. Как критиковать однопартийный режим, единую идеологию, непререкаемый авторитет вождя, нетерпимость к разномыслию и инакомыслию?..

В советском обществе утвердилась и иерархия народов, деление на «коренных» и «некоренных», на «титulyные нации» и «приезжих». Судьбы людей определялись их этническим происхождением. Укреплялось представление о том, что личность человека определяется его биологией. Не характером, не воспитанием, не культурой, не взглядами, а только кровью. Этническое происхождение по-прежнему определяет отношение к человеку. И люди не верят, что кто-то выглядящий иначе, может стать своим.

В наших книжных магазинах полно националистической литературы. Звучат откровенно антисемитские высказывания видных в обществе фигур, что еще недавно считалось непозволительным. Вырвалось то, что давно хотелось сказать.

Вот сейчас, скажем, педофилы сидят по своим квартирам, смертельно боясь, что кто-то узнает об их наклонностях. А если им разрешат пропагандировать свои сексуальные наклонности по телевидению, не увидим ли мы вскоре оратора, с пеной у рта отстаивающего право развращать детей? Кстати, пример я привел не случайный. Один из самых заметных британских неонацистов Ричард Прайс как раз и оказался педофилом...

60 лет назад европейцы, желая избежать новой войны, образовали Европейский союз, согласившись на то, что важнейшие решения будут приниматься на наднациональном уровне на основе совместно разработанных правовых норм.

Но глобализация и массовая миграция вызвали тоску по прежним национальным государствам. Вновь кажется, что только надежно отгородившись от чужих бед, можно жить счастливо. Старый свет возвращается на привычный путь экономического национализма, который в XX веке дважды приводил Европу к войнам. Наши антизападники представляют европейских ультраправых спасителями «традиционной Европы».

Надо это акцентировать: симпатия к европейскому правому радикализму - это и политический расчет, и некая органическая тяга к единомышленникам. Объединяет неприятие современной либеральной цивилизации, то есть того, что создавалось Европой со времен Возрождения и Просвещения.

Не могу не вспомнить, что немецкие национальные социалисты во главе с Адольфом Гитлером выступали прежде всего в роли борцов против либерализма и демократии. Немцы поверили в свое духовное превосходство над "культурой лавочников" в Англии и Америке! Тогда модно было говорить, что немецкая душа несовместима с либерализмом и парламентской демократией, и страна должна идти особым путем. Закончилось это полной катастрофой.

Тот, кто внушает нам: «Россия – не Европа», кто вычеркивает Россию из европейской истории, – хочет он того или нет - толкает страну в антиевропеизм, в изоляционизм, в «Sonderweg».

Иные российские идеологи не брезгают общением с персонажами, которым порядочный человек руки не подает. Рефлекс, оставленный старыми антифашистскими временами, - не иметь дело с крайне правыми, утрачен. Ненависть к Европейскому союзу берет верх. У нас в публичном пространстве звучат такие фразы (Дугин): "Я за тех, кто проголосует за Вилдерса, за Марин Ле Пен. Россия поддерживает такие фигуры не столько из идеологической близости, сколько из оппозиции глобалистскому либеральному курсу".

Политическое устройство западного мира, морально-нравственные принципы, свобода слова - всё раздражает. Вот, что звучит: «Запад экспортирует свои ценности, объявляя их универсальными. Но исторический путь западной цивилизации был прискорбным, а ее сегодняшнее духовное состояние плачевно»

Сто лет назад вышел первый том труда немецкого философа Освальда Шпенглера «Закат Европы». Шпенглер писал об упадке Европы все то же самое, что сейчас кажется свежим словом: «Либерализм – удел простаков. Парламентаризм в Германии – бессмыслица или измена». Забавно читать это сейчас, когда современная Германия демонстрирует успех парламентской республики! А у нас в стране все равно клянут либерализм с той же яростью! И ужасаются аморальности западной цивилизации, как когда-то Шпенглер.

Столетие прошло в борьбе с так называемыми западными ценностями. Все, кто превратил эту борьбу в практическую политику, довели собственные страны до беды и деградации. А мы - свидетели одной из самых плодотворных эпох европейской истории. Всем бы европейские пенсии, европейскую медицину, европейское образование...

Рановато говорить об упадке Европы.

Или, скорее, поздновато. Оскар Шпенглер сделал это за нас столетие назад.

В истории самоопределение России всегда происходило с поиском в себе европейского или с его отрицанием. Это, надо сказать, характерно не только для России. Думаю, для Германии тоже... Всякий раз обострение этого спора свидетельствует о том, что Россия оказалась на очередной исторической развилке и выбирает, чем ей быть.

Видный российский государственный чиновник говорит: «Сейчас время, когда исторически еще можно вернуть Россию к нормальной жизни, не дать съехать окончательно к европейским ценностям» (Петр Толстой, заместитель председателя Государственной Думы, интервью от 22 марта 2017 года).

Видно, какой путь проделала Россия за столетие после Великой русской революции.

Столетие назад без России не решалась ни одна крупная проблема в Европе. И столетие назад мыслящая Россия не отделяла себя от Европы — в широком диапазоне от правящей династии, которая была европейской и по рождению, и до самых ярких противников императорского семейства — то есть радикальных социалистов, марксистов, кото-

рые намеревались слиться с Европой в одно целое после мировой революции, которая должна была вот-вот произойти.

Люди, которых ошибочно считают противниками Европы, - славянофилы - сами были европейцами. По образу жизни, образованию, мыслям, языку. «Философическое письмо» Петра Чаадаева было написано по-французски, а перевел его на русский немец.

А о человеке, «придумавшем» знаменитую русскую «триаду» (три идеи – ответ на идеи Французской революции): «самодержавие, православие, народность», графе Уварове, было сказано так: о самодержавии говорил либерал, о православии – атеист, о народности – человек, не говоривший по-русски.

Славянофил Юрий Самарин освободил своих крестьян, а западник Александр Герцен жил в Лондоне на доходы с отцовских крепостных. Славянофилы не были изоляционистами, они всегда были созвучны европейским идеям. Но предостерегали от слепой подражательности, от бездумных заимствований. А это действительно характерно для России, начиная с Петра I.

Советская жизнь строилась на отрицании всех принципов европейской цивилизации – как альтернатива Европе. После первой мировой войны Европа сомневалась в себе. И Советской России казалось, что история теперь делается здесь. Что Советский Союз – ответ на «закат Европы», и XX век будет советским.

Усилиями советской пропаганды мир рисовался как арена сражения между силами добра (это Советский Союз) и зла (это алчный и бездуховный Запад). Противостояние с Западом превратилось в ключевой фактор не только внешней политики, но и нашей духовной жизни, эта вражда не отпускает нас, вновь и вновь зажигая сердца.

Современному человеку в России досталось это советское наследие. Переход от СССР к России не был мировоззренческим. Его следствием не стала перестройка сознания. Мы в ценностно-мировоззренческом смысле остались советскими людьми. И не ощущаем себя европейцами. Но за это заплачена запредельная цена. Нынешнее сокращение всего «русского» (демографическое, пространственное), падение влияния всего «русского» (геополитическое, языковое) - следствие этой битвы с Европой и уничтожения всего европейского (то есть ценностей и возможностей) в себе.

Ненавидящие Запад страдают комплексом неполноценности по отношению ко всему иностранному. В советские времена столпы отечественного антизападничества выбивали себе зарубежные командировки, ездили за границу с консервами, варили суп в гостиничном умывальнике, чтобы не тратить драгоценную валюту, прикупить побольше того, что произведено на бездуховном Западе.

Сейчас большой отряд пропагандистов со всех прилавков торгует ненавистью к Западу. Главные ненавистники Запада ездят в чудных иностранных авто, одеваются в Милане. Лечиться? В Швейцарии или в Германии. Где рожать жене? В Лондоне. Или в Соединенных Штатах. Во-первых, там первоклассная медицина, во-вторых, рожденный на американской земле получает право на паспорт гражданина США... Нет, нет, когда речь идет о себе, о любимой жене, о наследниках и продолжателях рода, решения принимаются исключительно разумные.

Есть другая, немалая часть нашего общества, для которой проповедь антизападничества чужда и непонятна. Эти люди как патриоты России видят в антизападничестве угрозу для будущего страны. На вопрос: европейская ли русская культура? – ответ может быть только один. Конечно, да! А какой она может быть еще? Россия принадлежит к семье христианских народов, все время жила во взаимодействии с Европой.

Чрезвычайно опасно, когда сложившийся исторический порядок подвергается эрозии; это дает уверенность деструктивным силам. Мы видим это на примере терроризма. Враждовать самоубийственно и для России, и для Европы. Мы нужны друг другу как со-

юзники. Не как враги. Однако политический истеблишмент демонстрирует утрату реализма и ответственности. Прорыв в политику правых радикалов есть проявление и следствие этой неадекватности политического истеблишмента.

Рост европейских национализмов, с одной стороны, и разыгрывание у нас в стране праворадикальной карты, с другой, ведут к тому, что отношения России и Европы разворачиваются по негативному сценарию.

Но... Сегодняшнее взаимное отторжение – это ошибка, взаимное заблуждение. Россия не понимает, что ей нужна сильная Европа. И единая. Европа не сознает, что Россия нуждается в понимании ее «резонов», что любая демонстрация враждебности вызывает острейшую реакцию: рост национализма внутри нашей страны.

Российский социолог Герман Дилигенский писал:

«Российское общество в высшей степени чувствительно (можно даже сказать, ранимо) в отношении «сигналов», посылаемых с Запада. Враждебность, отчужденность, пренебрежительное отношение способны вызвать очередной негативный перелом в восприятии Запада, повысить престиж консервативных и националистических сил. И напротив, доброжелательность, сочувствие, уважение, понимание могут повысить престиж западных ценностей».

Поэтому — я сформулирую это так — Россия нуждается в такой европейской политике, которая не создавала бы у нас дома оснований для роста внутренней реакции. А нынешний праворадикальный подъем – это, безусловно, реакция на современность. Страх перед новым миром, агрессивно требующий возвращения в «хорошее прошлое».

Конечно, когда размышляешь об отношениях России и Европы, возникает желание скатиться к рассуждениям в традиционном русском алгоритме: кто виноват?

Возможно потому, что ответ на другой типично русский вопрос: что делать? – я не знаю. Очевидный ответ: искать пути к союзничеству и отказываться от противостояния – в нынешних условиях, похоже, не очень осуществим. Усиление позиций ультраправых заводит наши отношения в тупик.

И последнее, на что хотелось обратить внимание.

Популисты, националисты, автократы представляются практичными и удобными партнерами, с которыми легко сотрудничать. Но исторический опыт весьма прискорбный. С одним таким популистом и националистом, который страстно ненавидел либералов и европейские ценности, обо всем договорились в Москве буквально за несколько часов 23 августа 1939 года. И казалось, вот с такими людьми можно работать. Это не англичане с американцами, с которыми споришь-споришь, а до дела никак не доходит...

А через полтора года, в июне сорок первого, удобный партнер напал на нашу страну, а неудобные пришли к нам на помощь. И воевали вместе с нами до Победы. 3 июля 1941 года Сталин, выступая по радио, произнес слова, прежде немыслимые:

- В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки.

Что ж, в этом конкретном случае можно прислушаться и к товарищу Сталину. Уж если он осознал, на кого Россия может рассчитывать в трудные времена...